

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВѢРѢ

ВЪ НАРОДНОМЪ ПРОСВѢЩЕНИИ РОССИИ (*).

Шестнадцать лѣтъ исполнилось Казанской академіи. Шестнадцать лѣтъ— возрастъ совершеннолѣтія въ естественной жизни. Можно ли сказать или подумать, что академія достигла совершеннолѣтія? Разумѣется—нельзя. Какъ наука долга, а жизнь коротка, такъ зрѣлость ученаго возраста въ наукѣ нельзя измѣрять годами естественной жизни. Можно ли по крайней мѣрѣ сказать, что Казанская академія—растетъ? И объ этомъ судить лучше другимъ, чѣмъ намъ; вѣрнѣе посторонній взглядъ, чѣмъ собственный.

Отъ Камчатки до Кавказа, отъ Нижняго-Новгорода до Томска и Енисейска, на 15 гу-

(*) Сказано на торжественномъ актѣ Казанской духовной академіи, въ день памяти объ основаніи ея. 8 ноября 1858 года.

берній, не считая самой Камчатки, простирается учебный округъ Казанской академіи. Есть—гдѣ развернуться академическому образованію! И вотъ, именно въ настоящіе дни, наши питомцы летятъ во все эти концы, измѣряя десятитысячныя версты Россіи.—На этомъ неизмѣримомъ пространствѣ неисчислимы духовныя потребности народа. Народъ, отдаленный отъ центровъ общественной жизни и потому менѣе развитый въ духѣ, которому духовное озареніе должно не только освѣтить собственно религіозную его жизнь, но и замѣнить недостатокъ научнаго и общественнаго образованія; разноплеменные и разновѣрные населенія, болѣе или менѣе дикія и грубыя; многозначительный элементъ мусульманства; наконецъ—русскій расколъ: какое поле! И не жать еще надобно на этомъ полѣ, а только еще сѣять, и прежде, чѣмъ сѣять, надо разработывать его. А что сказать о природѣ этихъ сторонъ, объ удобствахъ жизни и о мѣстныхъ способахъ самой духовной дѣятельности? Вотъ гдѣ мѣсто призванію—апостольскому, гдѣ труды—равноапостольныя! Да, важно значеніе Казанской академіи!

Важно, слишкомъ важно и вообще—значеніе духовно-религіознаго просвѣщенія въ Россіи. Нигдѣ это просвѣщеніе не можетъ

имѣть такого характера народности, какъ въ Россіи.

Есть истина, которой не должны забывать и народы и просвѣтители народовъ: истина, что народное просвѣщеніе тогда только можетъ быть твердо, когда утверждается на коренныхъ началахъ жизни народной, тогда глубоко и живо, когда воспринято и усвоено народнымъ сознаниемъ, тогда плодотворно, когда удовлетворяетъ основнымъ потребностямъ народности. Если просвѣщеніе идетъ только *мимо* этихъ началъ: оно будетъ обманчиво, вяло и безплодно; если оно идетъ прямо *противъ* этихъ началъ, это худо и опасно: потому что такое просвѣщеніе вноситъ въ народъ борьбу несогласныхъ между собою началъ и парализируетъ жизнь народа. Тогда или просвѣщеніе не пристаетъ къ народу, и народъ, отдаляясь отъ него, болѣе и болѣе замыкается въ своей народности, уже не разбирая, что въ ней хорошо, что худо, и къ самому просвѣщенію становится во враждебныя отношенія, или народъ, насильно ли, или можетъ быть добровольно, увлекается чуждымъ духомъ образованія, и тогда отдаляется отъ своей народности и становится чуждъ самому себѣ. Къ сожалѣнію, Россіи суждено было испытать то и другое. Когда великій преобразователь Россіи захотѣлъ, во что бы ни стало, внѣдрить въ

отечество иноземное просвѣщеніе, не разбирая его духа и не слишкомъ заботясь о духѣ своего народа: что вышло? Народъ раздѣлился: одна часть пристала къ иноземному образованію, къ другой оно не пристало. Чтожъ, много ли народности и русскаго духа оказалось въ томъ кругѣ, гдѣ это образованіе схвачено безъ разбору? И какой характеръ развился въ этомъ самомъ образованіи,—въ томъ видѣ, какъ оно распространилось у насъ? Жалкая подражательность, раболѣпство и униженіе предъ всѣмъ иностраннымъ, бездушная мода.... Да еще въ самомъ ли дѣлѣ было тутъ просвѣщеніе, и именно европейское? Усвоена ли европейская наука, цивилизація, народная общепользная дѣятельность? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить современное намъ, общее, гласное, откровенное сознаніе Россіи, что она далеко, далеко отстала отъ Европы. А съ другой стороны, вотъ явленіе: русскій расколъ. Что такое русскій расколъ? Это народность, которая во имя вѣры возстала при одной мысли о нашествіи иноземнаго духа въ русскую жизнь и въ борьбѣ съ нимъ заключилась въ самой себѣ безвыходно, отстала, замерла, окаменѣла. А вѣдь эта окаменѣлость слагается изъ милліоновъ русскихъ людей!

Что говорятъ намъ объ общечеловѣческомъ образованіи? Общечеловѣческое, раз-

умѣется, одно для всѣхъ: но не одинаковы народы, составляющіе человѣчество. Въ просвѣщеніи знаніе и добро, наука и нравственность—одни сами въ себѣ: но не одинакова почва, на которой всаждается знаніе и наука, неодинаковъ духъ, воспріемлющій идею добра и силу нравственную: потому и нравственность является въ разныхъ формахъ и даже одна и таже наука принимаетъ разнообразныя направленія. Или общечеловѣческое просвѣщеніе должно и можетъ сгладить характеръ народности? Или можно и нужно уничтожить народность? Но народность есть такая жизненная сила, которая не уничтожается никакою другою силою и—ничѣмъ, ни даже вѣковыми бѣдствіями народовъ. Дѣло-то въ томъ, что никогда никакой народъ не можетъ возставать противу общечеловѣческаго; общечеловѣческое каждому народу доступно и болѣе или менѣе понятно. И тутъ тоже: homo sum... Неужели русскій народъ не понимаетъ, что хорошо—вообще и само по себѣ, независимо ни отъ какихъ народностей? Но у каждаго народа есть свои коренныя начала жизни, выработанныя его природнымъ характеромъ, его собственнымъ сознаниемъ, его историческимъ развитіемъ, его самобытнымъ воспитаніемъ, народною дѣятельностію, и не менѣе того—его назначеніемъ въ міровыхъ судьбахъ. Эти на-

чала и образуютъ духъ народа: а отсюда у
каждаго народа есть свой инстинктъ или чутье,
которое и угадываетъ легко присутствіе и
дѣйствіе возлѣ себя *чуждаго*, несогласнаго
съ нимъ духа: тогда происходитъ столкновение,
вражда, борьба. Поэтому и тогда, когда подъ
видомъ общечеловѣческимъ скрывается не
общій, а частный, такъ сказать, духъ, инород-
ный, иноземный: онъ не скроется; другой
духъ другаго народа чувствуетъ его и борьба все-
таки неизбѣжна. Итакъ—еще вопросъ: что вы-
даютъ намъ за общечеловѣческое? Общечеловѣ-
ческое должно быть отвлечено отъ всякой част-
ной народности: слѣдовательно, если подъ
видомъ общечеловѣческаго образованія скры-
вается духъ нѣмецкій, или французскій, или
иной: это уже не общечеловѣческое. Оно дол-
жно быть безусловно истинно: слѣдовательно
если въ томъ, что намъ предлагаютъ, какъ
общечеловѣческое, есть хотя капля лжи, это—
уже не общечеловѣческое. Оно должно быть
совершенно чисто, прямо, открыто: слѣдова-
тельно, гдѣ есть какія нибудь заднія мысли,
это—уже не общечеловѣческое. Наконецъ оно
никакъ не можетъ направляться къ отрица-
нію тѣхъ всеобщихъ, коренныхъ началъ знанія
и жизни, которыя глубоко положены въ че-
ловѣчествѣ и неизмѣнны, каковы начала рели-
гіозныя, нравственныя, общественныя: слѣдо-

вательно если то, что выдается за общечеловѣческое, направляется такъ или иначе къ отрицанію или колебанію этихъ началъ: нѣтъ! это—не общечеловѣческое.

Въ дѣлѣ науки и знанія общечеловѣческое есть одно—чистая истина; въ дѣлѣ жизни и добра истинно общечеловѣческое есть одно—общехристіанское. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія; даже нѣтъ строгаго раздѣленія понятій: ибо общехристіанское есть чистѣйшая истина. Слѣдовательно не должно ли сказать, что истинно-общечеловѣческое просвѣщеніе есть истинно-христіанское?

Но въ русскомъ народѣ нѣтъ ничего болѣе народнаго, какъ свое Православіе. Какъ же это согласить съ тѣмъ, что мы сейчасъ сказали? Не трудно. Русский народъ не самъ себя сочинилъ вѣру, какъ напр. итальянцы свое католичество, или германцы свое протестанство. Что такое Православіе? Это вѣра *вселенская*: т. е. это та самая вѣра, которую исповѣдывали отъ начала Христіанства все христіане до X вѣка, именно до отдѣленія Рима отъ восточной Церкви. Вотъ—не тутъ ли лучше, въ этой вселенской вѣрѣ, и надобно искать первобытныхъ, чистѣйшихъ началъ Христіанства, и слѣдовательно всеобщей, міровой истины? Не тутъ ли основанія и тѣхъ общехристіанскихъ или, если угодно, обще-

человѣческихъ идей, которыми хочетъ характеризоваться современное просвѣщеніе? Да, не мѣшало бы поискать *тутъ*: потому что тутъ Христіанство въ его изначальной чистотѣ и цѣлости, еще не раздѣленное на разныя вѣроисповѣданія народныя, еще не искаженное разнохарактернымъ вліяніемъ послѣдующихъ временъ, схоластическимъ, политическимъ, іерархическимъ, философскимъ, и т. д.—Въ чемъ же состоитъ собственно русскій духъ Православія? А въ томъ, что русскій народъ, какъ прямой наслѣдникъ вселенской вѣры, хочетъ соблюсти ея первобытную чистоту и вселенское достоинство; онъ не терпитъ, чтобы къ ней примѣшивалось какое бы то ни было частное, произвольное мнѣніе; онъ не хочетъ, чтобы вѣра была ограничена какимъ бы то ни было постороннимъ вліяніемъ: онъ убѣжденъ, что съ такимъ вліяніемъ, съ такою примѣсью, вѣра перестанетъ уже быть вселенскою, что она приметъ характеръ частнаго вѣрованія. Вотъ почему не только никакое иностранное вѣроисповѣданіе не возбуждаетъ сочувствія русскаго народа и не примѣнимо къ нему и никогда не привѣтся къ нему, но и въ отечествѣ всякое частное, личное мнѣніе въ вѣрѣ для него непріятно, всякое вліяніе на вѣру подозрительно, всякая перемѣна въ ней, хотя бы самая малая, не-

терпима. Просвѣщеніе можетъ и должно смягчить рѣзкія проявленія такого народнаго характера, сгладить его неровности: но должно ли измѣнять и коренныя начала его?

Вотъ задача современнаго образованія Россіи. Современное просвѣщеніе наше должно не только сообщить намъ новый свѣтъ, но и исправить ошибки прежняго образованія: не навязывать намъ идей, чуждыхъ нашему духу, и вмѣсто озаренія народнаго духа, не ожесточать его въ отсталости еще болѣе—противоборствомъ ему. Надобно пробудить необразованныя массы отъ ихъ усыпленія умственнаго, нравственнаго, общественнаго и воззвать ихъ къ свѣту: надобно, съ другой стороны, возвратить образованные классы отъ ихъ увлеченія иноземнымъ духомъ къ духу отечественному, народному. Слѣдовательно нужно найти такой средоточный пунктъ, на которомъ эти противоположности сходились бы, мирились бы между собою, сочетались въ единствѣ духа и наконецъ составили современное, но чистое, русское просвѣщеніе: просвѣщеніе общечеловѣческое, но возрожденное въ *русскомъ* духѣ, просвѣщеніе народное, но развитое и возвышенное до общечеловѣческихъ идей. Такой средоточный пунктъ есть народная вѣра: она—въ Россіи—народная, по духу народа; она общехристіанская и слѣ-

довательно общечеловѣческая, по своему духу. Будемъ убѣждены, что вѣра не помѣшаетъ истинному просвѣщенію: она мѣшаетъ только лжи, а не истинѣ. Будемъ увѣрены, что вѣра не воопрепятствуетъ ни народному, ни общечеловѣческому прогрессу: она препятствуетъ только буйству, буйству мнѣній и страстей—противочеловѣческихъ. Она усвоить русскому народу все лучшее въ человѣчествѣ, отдаливъ худшее. Какъ русскій народъ бережетъ свою вѣру: такъ вѣра спасетъ русскую народность, спасетъ Россію. Но—помни Россія, что въ тотъ день, когда ты посягнешь на свою вѣру, ты—посягнешь на свою жизнь.
